

Список використаної літератури

1. Мифы народов мира. Под ред. С.А. Токарева. – Т.1,2. – М.: “Олимп”, 1997.
2. Словник української мови. – Київ: “Наукова думка”, 1970.
3. Сосенко Ксенофонт. Різдво-Коляда і Щедрий Вечір: Культуролог. оповідь. – К.: “Український письменник”, 1994. – 286 с.
4. Леви-Стросс К., Якобсон Р. “Кошки” Шарля Бодлера. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму /Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К.Косикова. – М.: Изд. группа “Прогресс”, 2000. – С.98–120.
5. Коротченко Ю.М. Поэтический текст как объект знакового анализа // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия “Философия.Социология”.– Т.14. – №2. – 2002.– С.97–106.
6. Якобсон Р.О. Аксиомы системы стихосложения. На примере мордовской народной песни. // Якобсон Р.О. Избр. работы. – М.: “Прогресс”, 1985. – С.133–140

Татаринцева Р.И.

АРХЕТИП И ЖАНР

К вопросу о детерминантах англо-американской исторической беллетристики

На протяжении последних четырех столетий картина Средневековья претерпела решительные изменения – от принижения и отрицания мыслителями Возрождения до постижения и осмысления этой эпохи в общеевропейском историческом процессе, особенно в исследованиях историков и культурологов XX века. “Современный рационализм рассматривал Средние века как мрачный период истории. Подчеркивалось отсутствие личной свободы, эксплуатация массы населения незначительным меньшинством, узость взглядов...” [13, с. 43]. Это – устаревшая оценка, входящая в противоречие с более объективным выводом: “Хотя человек не был свободен в современном смысле, - он не был при этом ни одинок, ни изолирован. Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплен в какой-то структурированной общности; его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям, они и не возникали... Зато было достаточно много проявлений конкретного индивидуализма в реальной жизни” [13, с. 44–45]. Главное же, на наш взгляд, в рассуждениях Э.Фромма заключается в том, что” Средневековое общество не лишало индивида свободы уже потому, что “индивида” как такового не существовало. Человек еще был связан с миром первичными узами; он видел себя лишь через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Точно так же и любой другой человек не воспринимался как “индивид” [13, с.45]. Описание классического понимания этого феномена принадлежит Якову Буркхардту, швейцарскому культурологу XIX в.: “В Средние века обе стороны самосознания по отношению к внешнему миру и своему внутреннему “Я” как бы дремали под одним общим покрывалом. Покрывало было соткано из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков; весь мир с его историей представлялся сквозь это покрывало в своеобразной окраске, и человек познавал себя только по расовым особенностям или по признакам, различающим народ, партию, корпорацию, семью, другими словами, понятие личности связывалось всегда с какой-нибудь общей формой” [цит. по 13, с. 46]. В связи с этим интересно мнение выдающегося русского философа Льва Карсавина, утверждавшего, что историческое развитие не подчинено концепции причинности, так как причинность – это проявление внешнего влияния, а развитие состоит в качественном диалектическом изменении, происходящем внутри “целого”, а не посредством дополнения целого чем-то извне [1, с. 175]. Поэтому период Средних веков, если рассматривать его в структуре генезиса человеческого общества, вне связи с греко-римской античностью как локальным феноменом, оказывается и органичным и логичным.

Такой вывод становится доказательным, если учитывать, что “возникновение античного общества настолько загадочно”, что в современной исторической мысли это явление уже названо “социальной мутацией” [17, с. 93], очаговой цивилизацией, выпадающей из периодизации качественно отличных этапов истории человечества.

Современная историческая наука употребляет обозначение “Средние века” как устоявшееся хронологическое и содержательное понятие, охватывающее время между Античностью и Новым временем – V–XVI вв., более тысячелетия истории Западной Европы. Выделяют периоды раннего (V–IX вв., “темные века”), зрелого (X–XIII вв.) и позднего (XIV–XVI вв.) Средневековья. Естественно, достаточно трудно установить бесспорную грань начального, “раннего” периода, нижние хронологические рамки, поскольку элементы античной культуры и социальной практики удерживались в течение длительного времени. “На протяжении средневековой эпохи Европа прошла огромный путь, насыщенный радикальными изменениями во всех без исключения областях” [4, с.10]. Наиболее зримы трансформации в области теологии – христианизация Европы, в духовной сфере, литературе и искусстве. Средневековье сформировало собственный ментальный универсум и свой хронотоп, сложившийся из “линейного необратимого времени и иерархически выстроенного, насквозь символического пространства, идеальным выражением которого является микрокосм храма” [7, с.519]. Исключительную роль в этот период сыграли христианская религия и римско-католическая церковь. “Именно христианство стало основной осью складывавшегося с V века в Западной Европе мира, которая влияла на все стороны жизни человека, его духовные приоритеты, устои общества [8, с. 24], одним из которых была хозяйственная жизнь. Поэтому важной особенностью средневекового ментального универсума явилось отношение к хозяйственной, экономической деятельности, основанное на двух предпосылках: “Экономические ин-

тересы второстепенны и должны быть подчинены подлинному делу человеческой жизни – спасению души” и на действия, связанные с ними, распространяются требования морали [13, с. 54]. Разумеется, “картина мира средневекового человека не была монолитной, – она дифференцировалась в зависимости от положения того или иного слоя общества” [4, с. 11]; и если общая картина западно-европейского Средневековья может рассматриваться в отдельных деталях, фрагментах, то один из них – британский, английский.

Время раннего и зрелого Средневековья (V–XIII вв.) – длительный исторический период, вобравший в себя складывание феодальных отношений, единение и развитие этнического самосознания переселившихся в Британию племен англосаксов, формирование английского народа.

Если в V веке автохтонные кельты и пришлые англосаксы, юты и фризы являлись еще отдельными племенами, то во второй половине I тысячелетия противостояние местным иноплеменникам связало пришлых кровнородственным союзом. Развитие социальной и хозяйственной дифференциации постепенно складывало раннефеодальные отношения, изживавшие родоплеменные и устанавливающие господство и подчинение. Процесс феодализации размывал этническое расслоение, постепенно сливая переселенцев в единую общность, в народ. Социальное и имущественное расслоение формировало структурную вертикаль общества, о чем обстоятельно говорит в третьей главе своей монографии “От англосаксов к англичанам” Е.А.Шервуд [16].

Процесс трансформации племенного сознания в самосознание народа завершается к концу раннефеодального периода. Интересно отметить, что в VII в. появляется термин “англичанин”, в XI в. понятия “английский язык” и “Англия”. Тогда же, перед нормандским завоеванием, англосаксы в Англии почти консолидировались как народ, однако этот процесс, как и формирование этнического сознания, завершился после нормандского завоевания [16, с. 180–228]. Благодаря этому к концу раннего Средневековья Англия имела уже значительную традицию письменной культуры, древнеанглийской литературы. В частности, сохранились памятники народной словесности, эпические произведения, записанные около тысячи лет назад на древнеанглийском языке. Анализу этих произведений посвящена замечательная часть интересной монографии Е.А.Мельниковой “Меч и лира”. Так, исследовательница отмечает, что в эпических поэмах “Видсид (VII в.) и “Беовульф” (VIII в.) главным содержанием является подвиг, и не для личной славы героя, но для блага всего общества, вне которого находятся его враги. Борьба абсолютного добра с абсолютным злом – лейтмотив содержания этих поэм. Интересно, что общество, во благо которого совершаются героические подвиги, выступает в виде своей верхушки – королевского двора и ближайшего окружения короля [9, гл.3]. Следует подчеркнуть, что в более поздних исторических песнях англосаксов, относящихся к X – началу XI в., посвященных реальным эпизодам борьбы этого периода, герои песен хотя и преданы идеалам героики, но преследуют в своих деяниях не интересы общества, а добиваются личной славы [9, гл.6]. В целом уже можно говорить о противоборстве уходящей в прошлое эпической героики и новых реалий раннеклассового общества, а также индивидуализации сознания.

Йохан Хейзинга отмечал, что “средневековая культура уже не была архаической. Ей предстояло большей частью заново переработать предшествующий материал, будь то классический или христианский. Только там, где она не питалась от античных корней, не дышала церковным или греко-римским воздухом, оставалось еще место для творческого влияния игрового фактора, то есть там, где средневековая цивилизация развивалась на базе кельто-германского или более древнего автохтонного прошлого. Так обстояло дело с происхождением рыцарства и отчасти феодальных форм вообще” [15, с. 203]. Поэтому “героическая литература расцвела там, где никогда не было господства римлян или же где латинская традиция оказалась наиболее слабой и непрочной; она и развивалась именно на западе и на севере, где, естественно, в наибольшей полноте сохранился древний уклад и богатый материал для рыцарских романов” [10, с. 32].

Отражением этого процесса является использование литературой того времени мифологических, легендарных и фольклорно-исторических образов. Один из них – король бриттов Артур ...

Ранние упоминания о короле Артуре (V–VI вв.) относятся к VIII в. В латинской хронике Гальфрида Монмаутского “История королей Британии” (ок.1137 г.) “Артур обладает чертами могущественного государя” [3, стлб.328]. Интересно, что с именем Артура древние кельты связывали надежды на восстановление независимости. В период становления и расцвета рыцарской литературы народные артуровские легенды широко использовались поэтами и романистами. Создателем артуровского рыцарского романа считается французский писатель Кретъен де Труа (XII в.), в Германии его переводчиком стал миннезингер Гартман фон Ауэ. В Англии XIII–XIV вв. появились переводы романов “Артур”, “Артур и Мерлин”, “Смерть Артура” и др. Эти темы использованы в английском рыцарском романе в стихах “Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь” (XIV в.). В XV веке Томас Мэлори создает роман “Смерть Артура”, переработав ряд романов артуровского цикла [3, стлб.328]. По тонкому наблюдению английского философа и литературоведа А.Л.Моргана “Смерть Артура” сэра Томаса Мэлори прославлена без того, чтобы быть по-настоящему известной, и сам Мэлори для многих более легенда, чем реальная личность” [10, с. 7]. Роман Мэлори – это апофеоз понятия “британский дух”, т.е. национального самосознания английского народа.

Архетип “Смерти Артура” – это старый порядок, рыцарство, храбрость и преданность, идея Круглого Стола и кодекса чести, королевской власти и мечты о подвиге и любви. “Связь рыцарского идеала с высокими ценностями религиозного сознания – состраданием, справедливостью, верностью – поэтому никоим образом не является чем-то искусственным и поверхностным” [14, с. 81], и едва ли случайно родоначальником рыцарства считался Архангел Михаил. Рыцарский роман сформировал и первичный романтический мотив – рыцарь и его дама сердца, который будет возникать всегда.

Следует признать, что архетип романа Мэлори известен литературе более, чем собственно текст. Поэтому природа и мотивация повествования, оставаясь непроясненными, действовали на авторов и читателей более позднего времени, скорее, опосредованно, архитипически, подсознательно, чем непосредственно через память. Отсюда в значительной степени проистекают последующие переработки, вариации и модернизации “Смерти Артура” Мэлори. При этом нужно иметь в виду, что литературное пародирование духа рыцарских сказаний и романов в новых литературах во многом объясняется поверхностным знанием

существа предмета, его скорее хрестоматийной известностью.

Литературные возможности артуровского архетипа одним из первых в литературе XVIII–XIX вв. почувствовал Вальтер Скотт, мастер исторического романтизма, свидетельством чему стали его исторические поэмы и романы из эпохи английского средневековья. На сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола основан цикл поэм Альфреда Теннисона “Королевские идиллии”, а также и философско-исторический роман [12, с. 446] Марка Твена “Янки при дворе короля Артура”, в котором современный герой перенесен в Англию VI века, а основная часть пародийна. Таким образом, хронотоп приключенческого романа, действие которого происходит в Средневековье, опираясь на артуровский архетип, был сформирован литературой XIX века, получив последующее развитие собственной многослойной структуры.

В одной давней дискуссии о проблемах исторического романа лапидарно констатировалось: “Старый исторический роман, рассчитанный на широкую народную аудиторию, уступает место роману, ассимилирующему современные формы детектива или научной фантастики”, а также, что читатели “устали от сартровской “тошноты”, преследующей их уже более сорока лет” [II, с. 197, 200]. Литературная тенденция была отмечена верно: практика последней трети XX века шла именно в этом направлении. И несмотря на то, что история предоставляет писателю почти неистощимый запас увлекательных сюжетов и персонажей, событий и обстоятельств, которые дают ему возможность воссоздать целую эпоху со своей атмосферой, реалистическое направление неспособно противостоять напору развлекательной беллетристики. Приходится констатировать, что “не “серьезные” произведения “серьезных” писателей определяют общую атмосферу современной литературной жизни США [6,386] и Великобритании, где сложилась особая отрасль, производящая массовую беллетристику. Произведения ее жанров читаются миллионами людей, активно влияют на их сознание, в том числе и на формирование исторических представлений. Сюжеты из времен Средневековья занимают значительное место в огромном объеме этой литературы. Имеются многочисленные “рыцарские” серии, “готические”, “инфернальные”, “мистические” и многие др., еще дальше уводя от исторические фэнтези. Вполне естественно, что противостоять этому процессу невозможно, - массовая культура явление неуправляемое и непредсказуемое: “массовая культура – это все-таки лучше, чем массовое бескультурье” [2, с. 103]. И кроме того, “жанр романа, без которого мы не можем вообразить литературу, родился в античности как простонародное чтиво, и ни один уважающий себя античный критик даже не упоминает о нем” [2, с. 103]. Следует также учитывать, что “историческая масс-литература” – ответ на запросы массового сознания, часть которого представляет собой историческое сознание. Уровень же спроса диктует и уровень предложения: читают потому, что не знают иного.

Развитие “средневекового” сюжета в англо-американской литературе XX века к его середине обозначилось двумя направлениями – парареалистическим и фантазмагорическим. Несомненно, наиболее значительной обработкой артуровской темы является роман Джона Стейнбека “Деяния короля Артура и его благородных рыцарей”, опубликованный в 1977 г. Этот роман – результат давнего интереса писателя “к легенде о рыцарях Круглого стола”, побудивший его “взяться в 50-е гг. за переложение романа Т. Мэлори на современный американский язык в духе приключенческого жанра” [12, с. 422]. Модернизация классических литературных произведений, адаптация их – одна из особенностей литературной практики Европы и Америки.

На легендах “артуровского цикла” построена и серия исторических романов Мэри Стюарт, хотя жанровые особенности входящих в нее произведений не лишены тяготения и особенностей “массовой беллетристики”. Тем не менее, романы Мэри Стюарт – это исторические произведения реалистической направленности. По-видимому, подобным же образом могут быть охарактеризованы и романы исторической трилогии Виктора Каннинга, удерживающие архетип и художественную привязку к реалиям и деталям эпохи Средневековья.

И конечно, вне реалистической традиции находится роман Джона Гарднера “Грендель” (1971). Это свободный пересказ раннесредневековой легенды о чудовище Беовульфе, изложенный от лица самого чудовища и рисующий жесткую символическую картину индустриального мира, несомненно, одно из заметных произведений исторических фэнтези, роман “анти-эпоса”. “Само собой разумеется, то, что традиционно называют историческим романом, не могло бы сейчас существовать без вполне естественных изменений” [11, с. 196], однако роман Гарднера находится далеко за пределами таких допущений.

Средневековье исключительно перспективно для исторической беллетристики по нескольким причинам – временной отдаленности, массовой неопознанности, архитипической героики, хронологической толщине, сюжетному многообразию, духовной изначальности, борьбе добра и зла, экзотике аскетизма, хронотопической многослойности и др. Неслучайно основной поток сюжетов исторической масс-беллетристики в пространственно-временном отношении привязан к Средневековью. Остальное – литературная техника и жанровый синтез. В этом ключе работала известная английская писательница Дафна Дюморье, мастер современного “готического” романа, пробовавшая себя и в фэнтези, отправив в путешествие в прошлое, с помощью особого наркотика, героев своего “Дома на Стрэнде” (1968). Альтернативной историей является роман Клиффорда Саймака “Где бродит зло” (1982), в котором Римская империя в двухтысячелетнем существовании соседствует с “Пустынными Землями”, находящимися под управлением магических сил. “Миф-приключения” - серия фэнтези из семи романов - Роберта Эсприна/Асприна/ сюжетно построены на пространстве и времени сказок “1001 ночи”. Диалогия Майкла Муркока “Пес войны и боль мира” и “Город в осенних звездах” (1981, 1986), написанная в жанре фэнтези, сюжетно привязана к воображаемому Средневековью, где и разворачивается действие романов. Славу Андре Нортону /Алисе Нортон/ “принесла серия романов о Колдовском мире. Герои ее, колонисты с Земли, потеряли связь с “метрополией” и осваиваются в мире, постепенно эволюционирующем в “феодализм” [18,417]. В Колдовском мире “работает” магия, неизбежно превращающая цикл романов в “героическую фэнтези”.

Отдельную группу писателей образуют Дж.Толкин, Клайв Льюис и Чарльз Уильямс, английские прозаики и ученые. Признанные мастера классической фэнтези. Ч. Уильямс разворачивает сюжеты двух ос-

новых романов – “Война в небесах”(1930) и “Старшие козыри”(1932) – в период Средневековья, сталкивая Добро и Зло в борьбе за обнаруженную чашу Св.Грааля и истинные священные карты Таро[18, с. 572]. Признанные мастера и основоположники жанра, эти авторы давно обрели статус классиков в литературе XX века, дав в своих произведениях сложный синтез научных представлений, романтизма и фантастики, став одними из самых читаемых авторов.

“Первой характерной чертой исторического сознания, отмечают современные социологи, - можно считать интерес к истории... Историческое сознание представляет собой причудливое переплетение научных знаний, наивных представлений и оценок”[5, с. 120,128]. Несомненно, важным средством формирования массового исторического сознания являются произведения художественной литературы. Особенностью современного этапа общественного бытия является мощное воздействие на массовое сознание массовой беллетристики на исторические темы, среди которой Средневековье является ведущим сюжетобразующим фактором. Господство такой литературы очевидно и на книжном рынке, и в объеме читательского интереса. Авторы этих произведений “обращаются к самым различным кругам читающей публики: к тем, кто стремится забыть о повседневных заботах, к тем, кто хочет получать историческую информацию, не прибегая к сухим специальным исследованиям, к тем, кто стремится обнаружить – под историческими костюмами - вечные, непреходящие идеи” [II, с. 200]. Альтернативы этому влиянию призрачны – высокохудожественный реалистический исторический роман, школьное образование, научно-историческая литература. Категории “хорошо” и “плохо” предполагают сравнение “лучше” или “хуже”. Приходится признать, что произведения массовой культуры ниже, хуже высокой, но массовая культура – явление живое, распространенное, влиятельное. Поэтому ее нужно принимать, знать и учитывать. В полной мере это относится к исторической массовой беллетристике. В нашем контексте – к массовой исторической беллетристике на сюжеты Средневековья. Если во влиянии на историческое сознание она противостоит научному знанию, то ее необходимо знать. Факторы литературного процесса многообразны; исследованием и изучением жанровых особенностей беллетристики последних десятилетий, откликающейся на читательские запросы современности, в частности, как раз и должна заинтересованно и непредвзято заниматься филологическая наука.

Источники и литература

1. Блинные Л.В. Великие философы.- – М.: Логос, 1997.
2. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. Гиленсон Б.А. Артуровские легенды // Краткая литературная энциклопедия. – Т.I. – М., 1962.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990.
5. Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. Историческое сознание: Опыт социологического исследования // Вопросы истории. – М., 1989. – №6. – С.118–129.
6. Засурский Я.Н. Американская литература XX века.– М.: Изд-во МГУ, 1984.
7. Культурология. XX век: Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997.
8. Лысенко Н.Н. Культура западноевропейского средневековья // Запад и Восток: традиции и современность. – М.: Знание, 1993. – С.24–43.
9. Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе.– М.: Наука, 1987.
10. Мортон А.Л. От Мэлори до Элиота /Пер. с англ. – М., 1970.
11. Писатели о возрождении исторического романа во Франции: Пьер Гамарра, Морис Дрюон, Бернар Клавель и др. // Вопросы литературы – М., 1979. – №3. – С.193–203.
12. Писатели США: Краткие творческие биографии /Сост. и общ.ред. Я.Засурского, Г.Злобина, Ю.Ковалева. – М. Изд-во МГУ, 1990.
13. Фромм, Эрих. Бегство от свободы /Пер. с англ.– М.: Прогресс, 1990.
14. Хейзинга Йохан. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления... /Пер. с нидерланд. Под ред. С.С.Аверинцева. – М.: Наука, 1988.
15. Хейзинга, Йохан. Хомо луденс: Опыт исследования игрового элемента культуры /Пер. с нидерланд. – М.: Прогресс, 1992.
16. Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам: К проблеме формирования английского народа. – М.: Наука, 1988.

Эфендиев А.Ш., Алексеев В.В. РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ И ФРАНКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ В МИРОВОЙ КЛАССИКЕ XIX ВЕКА

С точки зрения культуролога русско-французский и vice versa билингвизм XVII–XIX в.в. уже представляет собой загадку. Французская и русская культуры не только имеют много общего, но и мораль, восприимчивость нового, революционность в точных науках, политике, социологии, искусстве и т.д. Все это сознательно или нет сближало оба народа, особенно образованные слои общества.

Глобальный вопрос, ответ на который еще не найден: почему, действительно, в XIX веке языком русской аристократии стал именно французской, а не немецкий язык, активно внедрявшийся самим Петром Великим? Германия, она и как сосед ближе, и немецкая орфография проще французский... Здесь можно выдвинуть много объясняющих гипотез, но не исключено, что решающим в конечном счете окажется единственно верное объяснение. В основе нашей гипотезы лежит предположение, что в наиболее образованном слое французского общества имел место *тайный культ русского языка*. Знание этого языка во Франции тщательно скрывалось, а не подчеркивалось в отличие от России, где престижность французского была связана явно с чем-то иным, чем престижность английского в наши дни. Культ французского языка за пределами метрополии поддерживался всячески внешней политикой французского правительства, начиная с наполеоновской эпохи. С того момента экспансия французского языка охватила не только стра-